

РЕЦЕНЗИИ

Филиппов А.Ф.

Теория систем. Аутопойесис продолжается 2.

Jenö Bango. Theorie der Sozioregion. Einführung durch systematische Beobachtungen in vier Welten. Berlin: Logos, 2003. 291 S.

Енё Банго. Теория социорегиона: Введение посредством систематических наблюдений в четырех мирах. Берлин, 2003. 291 С.

Енё Банго – немецкий профессор венгерского происхождения, в годы своей профессиональной карьеры занимался преимущественно проблематикой социальной работы. В последнее время он публикует сочинения, по теории аутопойетических систем, организует международные конференции, посвященные концепции аутопойесиса и ее перспективам. Банго одним из первых обнаружил, что внятно заявленная Никласом Луманом (и смягченная лишь в последние годы его жизни) позиция, согласно которой пространство, в отличие от времени, не имеет решающего значения для социологической теории, не просто является ошибочной, но может быть преодолена при помощи ресурсов теории систем самого Лумана. В 1998 г. он выпустил книгу «На пути к постглобальному обществу: потерянный центр, разрушенная периферия, "изобретенный" регион»¹. В этой работе автор попытался обосновать новый подход ко многим важным проблемам социологии и, в частности, «отнять у понятия центра иерархическую четкость, а у понятия региона – территориальную ограниченность и наполнить это последнее "социальным" содержанием. В современной социологии можно найти достаточно доказательств, подтверждающих мои усилия в том, что касается первой части этой задачи, но гораздо меньше – в том, что касается второй. Понятие региона еще слишком глубоко связано с представлением о пространстве, с геополитической локализацией»². Завершая свое исследование, Банго писал: «Регионализация социального означает синтез локального и глобального, а это – программа новой социальной системы, системы социорегиона. Чтобы осуществить эту программу, мы пытались найти конечные элементы социального (части и посредники между ними). Роль осциллирующего посредника между жизненным миром и системой, между центром и периферией, между глобальным и локальным с "протофункциями" разделения и опосредования делает систему социорегиона автономной функциональной системой. Я радикально отождествил социальное с региональным, то есть свел комплексность системы социального к самому малому общему знаменателю³».

Уже эти высказывания ясно свидетельствуют о том, что мы имеем дело с весьма своеобразным мыслителем, замысел которого отнюдь не сводится к «расширению» или «дополнению» теорий Лумана. В новой книге Банго это становится совершенно очевидно, поскольку она написана хотя и сжато, но более систематично, чем его предыдущий труд. Книга состоит из пяти глав. В первой главе автор рисует нам «мир, в котором мы живем», как мир «проблем и катастроф». Банго обозначает три круга проблем и три круга катастроф. К проблемам относятся проблемы окружающей среды, водных ресурсов и энергии. К катастрофам – природные, климатические и технологические катастрофы. Несмотря на несколько непривычное для нас деление, в общем, ясно, почему он выделяет проблемы воды

¹ См. Bango J. Auf dem Weg zur postglobalen Gesellschaft: Verlorenes Zentrum, abgebaute Peripherie, "erfundene" Region. Berlin: Duncker & Humblot, 1998.

² Ibid. S. 277.

³ Ibid. S. 309.

из числа экологических проблем, а климатические катастрофы – из числа природных катастроф. Пожалуй, словоупотребление могло бы быть более точным, но желание развести, например, землетрясения и погодные явления сомнений не вызывает.

Вторая глава книги называется «Мир, который мы (ис)пользуем: недостаток и избыток». Здесь рассматриваются следующие области: экономика (кризисы и капитализм), здоровье (жизнь без болезней), права человека (суверенитет и справедливость), война и мир, устойчивое развитие и бедность, самоопределение молодежи в современном мире. В третьей главе книги называется «Мир, который мы конструируем: надежды и шансы» речь идет о демографии, языках, религии, культурах, искусстве, науке.

Таким образом, в первых трех главах, которые занимают по объему более половины книги, автор не оставляет без внимания, кажется, ни одну важную тенденцию, ни одну проблемную область современной социальной жизни. Это может рассматриваться как преимущество, но имеет, конечно, и свои издержки. Посмотрим, например, как трактуется автором недостаток и избыток применительно к сфере экономики (по-немецки до сих пор предпочитают говорить «хозяйство»). Социология хозяйства, по мнению Банго, должна вернуть хозяйство в лоно общества, исследовать его во всех социальных взаимосвязях. Отрывать хозяйство от общества – все равно что говорить об исследовании женщин и людей вместо исследования женщин и мужчин. Мы исследуем эту тему, продолжает автор, имея в виду как теорию систем, так и проблему регионализации. Банго обращается к концепции Ф.А.ф.Хайека и его трактовке ущербности социализма по сравнению с частнокапиталистическим хозяйством. Он указывает, что попытки полностью изъять хозяйственные отношения из социально-политической взаимосвязи является неоправданным. Так, например, если посмотреть на деятельность «большой восьмерки», то окажется, что лишь декларативным образом она составлена из стран с наибольшим валовым национальным продуктом. На самом деле при отборе этих самоназначенных лидеров мировой экономики не последнюю роль играли чисто политические соображения. Теперь же, что хорошо видно в ситуации с долгами слаборазвитых стран, ни чисто рыночный подход, ни однократные политические решения не дают выхода из проблемной ситуации. «Рыночные отношения не заменяют социальные отношения. Проблема состоит не в капитализме как таковом, но в представлении о том, что сам по себе капитализм способен удовлетворить все человеческие потребности и предложить решение всех проблем» (S. 64). Благородные принципы автора несомненны. Он демонстрирует также изрядную начитанность и способность ориентироваться в актуальных проблемах и тенденциях. Тем не менее, несколько деклараций, основанных на буквально «точечных», сжатых до *nec plus ultra* рассуждений, не могут заменить развернутого теоретического высказывания.

Другой пример – это рассуждения автора о языках. Мы узнаем, что, с точки зрения Лумана, язык не является системой, однако позволяет «рыхлое сочленение» систем сознания и систем коммуникации. Языки являются носителями культурной традиции, мировоззрения, установок по отношению к миру и т.д. Родной язык дает человеку шанс на понимание. За возможность говорить на родном языке ведутся войны, а попытки создать язык всемирного общения известны с давних времен. Банго вкратце останавливается на генеративной трансформационной грамматике Хомского, на психолингвистике, нейролингвистике, этнолингвистике, теории речевых актов. Он указывает (приводя соответствующие примеры), что многоязычность, отличающая, в частности, некоторые европейские страны, есть путь к терпимости и мирному сосуществованию. Далее он рассматривает становление английского как мирового языка, языка электронных коммуникаций и международного общения. Русский потерпел неудачу, потому что рассматривался в странах социалистического лагеря как язык угнетения. При этом итальянский, например, характеризуется как «язык музыки», а ряд современных языков оказываются языками «бедности и нищеты». Вывод автора в параграфе о языках такой: «Можно вообразить регионализированный постглобальный мир, в котором сохраняется английский язык как мировой язык глобального взаимопонимания и коммуникации, но он не подавляет региональные языки» (142). Вообразить это можно,

конечно, но стоил ли этот вывод таких усилий? И каков, собственно, характер этих усилий? Кажется и здесь, и в других случаях, мы имеем дело с весьма специфическим способом представления предмета: актуальным, беглым, сопровождающимся отсылками на большой объем релевантной литературы, включая и такую, которая, по идее, должна входить в состав базового образования по соответствующим специальностям – от Хайека и Кейнса для экономистов до Хомского для лингвистов. Но можем ли мы быть уверены, что одни и те же люди читают Хомского и Кейнса? И если нет, то достаточно ли им столь сжатых отсылок? А если да, то именно такой способ представления оказывается не совсем удачной комбинацией «скудости и избытка», независимо от того, о чем говорит автор, будь то проблема водных ресурсов или относительная автономия роботов в «обществе, основанном на знании».

В четвертой главе книги «Мир будущего – глобальный или социорегиональный?» начинается изложение в собственном смысле слова того, что Банго называет «теорией социорегиона». Автор рассматривает ряд концепций глобализации, уделяя большое внимание лумановскому понятию «мирового общества». «Если привести к общему знаменателю, то "глобализация" означает, что все происходящее где-либо в мире оказывает воздействие на происходящее в любом другом месте мира. ... В мировом обществе глобальные события находятся всегда в локальном контексте, они всегда изучаются в применительно к "здесь" и "сейчас". ... Теория социорегиона настаивает ... не на симбиозе, но на синтезе глобального и локального. ... В своей теории социорегиона я пытаюсь выйти за пределы национально-государственной, глобальной и относящейся к гражданскому обществу фаз социальной эволюции. ... Я постулирую, что мышление постмодерна есть одновременно постглобальное мышление, а социорегион будет постмодерновым и постглобальным конструктом» (S.185, 188, 189). Развивая эту мысль, Банго пишет о том, что «региональное членение Земли имеет наилучшие шансы для того, чтобы ухватить и, соответственно, редуцировать глобальную комплексность. Но это должно быть не столько прочным, жестким маркированием, сколько, в качестве процесса регионализации, нацеливаться на постоянно меняющуюся региональность» (S.196). Что же такое регион? Дает ли на этот вопрос ответ теория систем Лумана?

Конечно, в разных работах Лумана, особенно в последний период его творчества, понятие региона всплывает нередко. Однако оно не обладает достаточной степенью разработанности. Тем, кто пытается исследовать региональную проблематику сейчас, приходится так или иначе определять свое отношение к проблеме пространства и территории помимо собственных положений Лумана. Дело не просто в том, что пространство должно быть концептуализировано, прежде чем речь пойдет о его отдельных «фрагментах». Дело еще и в том, что социологическая концепция и социологическое исследование регионов не обязательно должны быть привязаны к концептуализации пространства. С точки зрения социальной науки, говорит Банго, это понятие намного более проблематично. Он вычленяет здесь два подхода. Прежде всего, свой собственный, обоснованный в предыдущих публикациях. Согласно этому подходу, регион – это социальная система, выделяющаяся в ходе дифференциации более обширных систем. Другая точка зрения, представленная Клаусом Кумом⁴, состоит в том, что регион – это ближайший окружающий мир подсистем общества, та среда, в которой функционируют его системы. Раскрывая свою точку зрения более полно, Банго указывает на то, что регион представляет собой не просто топографически очерченное место в пространстве, но именно особый тип социальной системы. Как известно, Луман выделял три таких типа систем: интеракцию, организацию и общество. Банго утверждает, что регион подобен политике, праву, хозяйству как особая функциональная система, что, кстати говоря, делает несколько сомнительным его предыдущее утверждение. Ведь право, политика, хозяйство, а также религия, наука, воспитание – это, по Луману, функциональные системы *общества*. Иначе говоря, либо регион представляет собой один из типов систем, либо это функциональная система

⁴ См. напр.: Kuhn K. Raum als Medium gesellschaftlicher Kommunikation // Soziale Welt. 2000. Hft. 6. S. 321-348.

общества, либо, наконец, нам должна быть предложена более обширная аргументация, позволяющая соединить и то, и другое, то есть аргументация, касающаяся уже не характеристик региона, а характеристик и принципов анализа общества. Подходы к этому у Банго можно найти. Он говорит о собственном бинарном коде региона: "разделять/содержать» (по аналогии с «правовым/неправовым», «истинным/ложным» и т.д.), он усматривает здесь характеристики «протосоциальности» и обобщенное средство коммуникации - «отношение» (Beziehung). Банго справедливо указывает, что это позволяет выйти за рамки территориальности как таковой. Наконец, он говорит и о том, что можно посмотреть на дело с другой стороны, а именно, исходя из различий центра и периферии, поскольку регион представляет собой не только синтез локального и глобального, но и центра и периферии. В пятой главе автор указывает на то, что в конструкции Лумана имеются существенные пробелы, например, нет понятия группы (см.: S. 244). Он также специально оговаривает, что социорегион – это и базовая система, и функциональная подсистема общества (см.: S. 245)

Излагая точку зрения Кума, Банго обращает внимание на то, что и этот автор не считает регионы «вещами», особыми объектами. Для него они суть также и не системы, но окружающий мир систем, который находится внутри, а не вне общества. Однако Банго не согласен с тем, что регионы – это не системы. Если можно указать на особую функцию, если можно говорить об особом рода операциях системы, то можно говорить и о системности. Такой основополагающей операцией региона является «протосоциальное разделение и опосредствование. Предпосылкой любого образования систем является кондиционирование. В системе социорегиона таково селективное сопряжение элементов. Только "социальное" – не хозяйственное, не религиозное и т.д. – разделение солидарностей, отношений кондиционирует регион, превращая его в функциональную систему» (S. 206). Такого рода рассуждения непосредственно не вытекают из концепции Лумана, но служат ее развитию, полагает автор.

К сожалению, и это развитие, как и все дальнейшее изложение имеет тот же характер, что и предшествующие главы. Нам оно представляется чрезмерно сжатым, что крайне затрудняет воспроизведение мысли автора: сами по себе высказанные им положения могут казаться нам не просто правильными, но достаточно глубокими для подробного обсуждения. Однако в книге они представлены в контексте очень короткого, чаще всего не более десятка страниц рассуждения, в ходе которого отсылки к точкам зрения других авторов всплывают одно за другим. По отношению к высказанным кем-то мнениям и определяется – в нескольких абзацах – позиция автора, которая вне этого контекста кажется либо непонятной, либо недостаточно обоснованной, а сам контекст, несмотря на сжатость изложения, всякий раз слишком обширен и многообразен.

В последней, пятой главе Банго старается объяснить особенности своего теоретизирования. Он говорит о науке постмодерна и «трансмодерна» (последнее является совсем еще свежим неологизмом с сомнительным будущим). Наука постмодерна есть наука о многообразии, предпочитает единству различие, слову «модерн» сообщает разные прилагательные (рефлексивный, второй, третий, поздний). Наука трансмодерна говорит о модерне во множественном числе, это наука о многообразии и т.д. Это трансдисциплинарная наука, что означает не просто междисциплинарность, то есть взаимное наблюдение, соприкосновение, обучение, но далеко идущее взаимопроникновение дисциплин, которое может привести к появлению нового рода знания. Нетрудно предвидеть, что все эти характеристики укладываются в несколько страниц.

Здесь же автор стремится дать более внятное определение понятию «социорегион», указывая на то, что этот неологизм предполагает отсылку как к социологии, так и к социальному. Он рассматривает следующие аспекты теории: социорегион и проблема пространства, коммуникация и действие, преимущественно городская локализация социорегиона и ряд других. Каждой из них посвящена страничка-полторы-две.

Поскольку на этом книга завершается, мы можем подвести некоторые итоги. По нашему мнению, работа получилась не очень удачной. Возможно, именно таким и должно быть знание постмодерна или трансмодерна или еще чего-нибудь в этом роде. Остроумные суждения, быстрые переходы от темы к теме, пожелания и формулы долженствования вместо развертывания идеи и т.п. Но очевидно, что это сильно отличается по духу от концепции Лумана. Именно здесь становится очевидно, что Луман был не только и, может быть, не столько началом, сколько завершением: завершением той длительной традиции «древнеевропейского», как он издевательски его называл, мышления, которое в приложении к социологии дало сначала «классику», а затем и «mainstream». Луман владел способностью стягивать огромные ресурсы знания в концепцию, обладавшую двумя, казалось бы, несовместимыми свойствами: высокой степенью внутренней консистентности, единства в самом традиционном смысле слова, и ресурсоемкостью в сочетании с потенциальными саморазвития и инспирирующего влияния. Архитектура его теоретической системы обладала большой устойчивостью, но она беззащитна против благодушия – теоретического благодушия, позволяющего просто предположить «а почему бы нам не...» – не добавить, не убавить, не изменить, не переименовать и т.д. На самом деле такое благодушие – великая вещь. Без ненужных напряжений оно позволяет, не робея перед авторитетом, не сковывая себя «верностью наследию» идти дальше, руководствуясь соображениями научной продуктивности. Но оно же приводит к вещам не менее опасным, чем научная ригидность: к утрате тех критериев, без которых наука перестает быть особым, не похожим ни на какие иные, родом знания. Книга Банго находится у этой опасной черты.